

Научная статья. Исторические науки

УДК 94(94).04

DOI: 10.31696/2072-8271-2024-2-2-63-333-349

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА АВСТРАЛИИ В АТР НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1937–1939 гг.)

Евгения Владимировна КАШИНА¹

¹ Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,
altera.pars1331@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0466-0615>

Аннотация: В статье рассматривается развитие внешнеполитического курса Австралийского Союза накануне Второй мировой войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Анализируется пресса и раскрываются позиции представителей политической элиты по отношению к японской агрессии в Китае. Рост военной угрозы и большие трудности переходного периода Австралии в приобретении опыта внешнеполитической самостоятельности, раскрывают сохранение традиции зависимости от британской политики, а также осознание недостаточной защищенности своих рубежей перед лицом японской агрессии.

Ключевые слова: внешняя политика Австралийского Союза, Китайская Республика, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Япония, Великобритания

Для цитирования: *Кашина Е.В.* Противоречия внешнеполитического курса Австралии в АТР накануне Второй мировой войны (1937–1939 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2024, Том 2, № 2 (63). С. 333–349. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-2-2-63-333-349

Original article. Historical science

CONTRADICTIONS OF AUSTRALIA'S FOREIGN POLICY IN THE ASIA PACIFIC REGION ON THE EVE OF WORLD WAR II (1937–1939)

Evgenia V. KASHINA¹

¹ Pacific National University, Khabarovsk, Russia,
altera.pars1331@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0466-0615>

Abstract: The article is devoted to the Australian foreign policy's development on the eve of World War II in the Asia-Pacific region. The author analyzes the press and the political elite's positions in relation to the

Japanese aggression in China. The growth of international contradictions in the 30s of the XX century and the degree of independence in making Australian foreign policy from the former metropolis could affect Australian-Chinese relations. The growing military threat and the great difficulties of Australia's transition period in gaining experience in foreign policy independence, reveal the retention of the traditional dependence on British politics, as well as understanding of its borders' low protection before the Japanese aggression.

Keywords: *foreign policy of the Australian Union, Republic of China, Japan, Great Britain, Asia-Pacific Region*

For citation: Kashina E.V. Contradictions of Australia's Foreign Policy in the Asia Pacific Region on the Eve of World War II (1937 – 1939). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2024, T. 2, № 2 (63). Pp. 333–349. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-2-2-63-333-349

Исторический анализ внешнеполитического курса Австралийского Союза в отношении Китая, подвергнувшегося агрессии Японии в 1937 г., наглядно иллюстрирует все сложности в выработке внешнеполитической позиции правящих кругов австралийского государства, лавирующих между желанием сохранить торговые связи с Японией и осознанием необходимости противостояния ее агрессивным действиям в виду их ущерба австралийским интересам в Китае.

В июле 1937 г. Япония напала на Китай. В течение нескольких месяцев японская армия достигла серьезных успехов, овладев в августе Шанхаем, а в декабре нанеся мощный удар по центральному Китаю. Через год японцы вторглись в долину Янцзы и заняли Кантон. Спротивление Китая, помощь ему со стороны СССР и отсутствие реальной военной поддержки Японии от её союзников придало войне затяжной характер.

Рост японского милитаризма угрожал не только безопасности Австралийского Союза, но и ставил под вопрос экономические отношения с Китаем. Оккупированные рынки Китая японцы использовали в своих интересах. С 1937 г. экспорт в Китай австралийский товаров сокращался. Исключение составлял экспорт железнодорожных шпал, шерсти и пшеничной муки, он возрос в 1937–1938 гг. по сравнению с 1933–1934 гг. В 1938 г. Австралия экспортировала в Китай товаров на сумму 15,5 млн ф.ст., а импортировала всего 2 млн ф.ст. Также подчеркнул феноменальный спрос на австралийскую шерсть в Китае. Генеральный консул Бао Цзюньцзянь написал письмо в Министерство торговли Австралии после вторжения 1937 г., настаивая: «Япония ни-

когда не победит, а Китай никогда не проиграет. Когда беда минует, та часть торговли, которая была захвачена японцами, должна будет перейти из рук в руки»¹. В 1938 г. Бао Цзюньцзянь написал книгу по этому вопросу «Столетие китайско-австралийских отношений», в которой он заявил: «С укреплением экономики Китая и сохранением национальной независимости Китай сможет приобрести всю австралийскую шерстяную пряжу, а затем все еще будет нуждаться в больших поставках»².

Стало ясно, что конфликт будет затяжным, однако вскоре после нападения 1937 года многие шерстяные предприятия в Китае работали на полную мощность. Международные порты, в которых работали иностранные заводы, обычно служили безопасными убежищами, где японская военная активность была умеренной, а японская власть не всегда признавалась³. Следовательно, производство часто продолжалось с минимальным перерывом. Был также дополнительный спрос на производителей шерсти, во-первых, со стороны японских военных, которые реквизировали некоторые производственные мощности для изготовления униформы и одеял, и, во-вторых, со стороны потребителей в дестабилизированной экономике Китая, где девальвация национальной валюты вызывала переход к прямому товарообмену (так называемая «экономика вещей»). Некоторые заводы даже процветали в этих условиях и резко увеличили свою производительность. Список все еще действовавших китайских предприятий в Шанхае на начало войны можно найти в номерах газеты *Shenbao*. Некоторые производители эвакуировались в западный Китай за пределы влияния японских военных.

В 1939 г. был также разработан план расширения производства шерстяного текстиля в западном Китае, для чего требовалась шерсть и 2000 ручных ткацких станков из Австралии. Консульство обратилось к Ассоциации скотоводов Австралии с просьбой о предоставлении определенного количества ткацких станков в Поднебесную, в целях увеличения продаж шерсти. Формально, было заявлено о необходимости изготовить 1 млн одеял для беженцев. В центре плана была китайская австралийка, работавшая в гоминьдановском правительстве, г-жа Фабиан Чоу. Она обратилась к правительству Австралии через консульство, сославшись на общий статус Китая и Австралии как развивающихся экономик и подчеркнув возможный потенциал послевоенной торговли. Предложение было отклонено Австралийским советом по шерсти из-за расходов на необходимую транспортировку шерсти и оборудования по суше через Бирму⁴.

Районы выращивания шерсти в Китае были разорены войной, что привело к сокращению собственного производства, а импорт из Австралии почти удвоился в период с 1938 по 1941 гг.⁵. Это обстоятельство вызывало тревогу у Японии и, в то же время, влияло на прокитайскую позицию австралийских производителей шерсти, чей бизнес в результате зависел от коллизий британской и австралийской внешней политики. В результате торговля между Австралией и Китаем прекратилась в декабре 1941 г., когда начались военные действия на Тихом океане. И вместо поддержки китайской армии, которая воюет в Азии, Австралия была вынуждена готовиться к отражению японской агрессии уже на Зеленом континенте. Однако в начале японо-китайской войны австралийская элита недооценивала опасность японского экспансионизма в Азии.

Официальная австралийская пресса поначалу занимала позицию оправдания японской экспансии в Китай. 22 июля 1937 г. в статье газеты *Sydney Morning Herald* было заявлено, что «японская кровь и мужество спасли Манчжурию и весь север Китая от советского империализма», а Японии нужна не территория, но гарантированные рынки⁶. Как отметил глава департамента внешних связей Дж. Пирс, такая позиция не удивительна, поскольку газета публиковала информацию от японского генконсула⁷. После бомбардировок китайских городов позиция прессы стала претерпевать умеренные изменения. 22 сентября 1937 г. в газете «*Melbourne Herald*» были подробно освещены первые бомбардировки столицы - «незаконные и бесчеловечные налеты на Нанкин», а также опубликованы протесты ведущих держав, осуждавших Японию⁸. Через 2 дня в газете *Argus* сообщалось, что «в Кантоне сотни людей были убиты, а улица усыпана изувеченными телами», а «Япония не взяла на себя обязательство признавать требования о возмещении ущерба иностранной собственности»⁹. Еще в начале сентября *Sydney Morning Herald* указывала на японскую блокаду побережья Китая и захват японцами британского судна. Тем не менее, обращение Китая к Лиге Наций было описано с недоверием¹⁰. Газета резко изменила отношение к японской внешней политике после назначения в январе 1938 г. на должность редактора Х.А. Макклур Смита который открыто признал ошибочной политику умиротворения¹¹. Несмотря на более регулярное освещение событий японо-китайской войны и возросший объем публикаций, консервативные издания все еще воздерживались от открытого осуждения Японии, не говоря о каких-либо призывах к антияпонским санкциям.

Одним из австралийцев, который стал очевидцем событий, был журналист Уильям Генри Дональд. В этот период он находился в окружении Чан Кайши, выполняя роль советника. С началом войны он пытался перевести внимание правителя Китая с антикоммунистической пропаганды в сторону антияпонской, распространяя образ мадам Чан (супруги Чан Кайши) в формулировке «крошечная живая фигурка посреди резни»¹². Но поскольку в правительственных кругах националистов росла коррупция и влияние стран Оси, Дональда обвинили в пробританских взглядах, и в 1940 г. он подал в отставку.

Зверства японской армии и бомбардировки всколыхнули общественное мнение. Наблюдатели отметили, что во время Маньчжурского кризиса общественное отвращение к Японии не было столь очевидным, как в 1937 г.¹³ Премьер-министр Австралии Дж. Лайонс в письме дипломату С. Брюсу отметил, что в Австралийском Союзе усилились антияпонские настроения¹⁴. Даже в христианской прессе были очевидны призывы к санкциям против Японии¹⁵. Однако, основная поддержка Китая исходила от левого движения и была выражена коммунистами. Именно они говорили, что японский экспансионизм представляет угрозу для Австралийского Союза. Поддерживая сталинскую идею «коллективной безопасности», они призывали к созданию подобной системы в АТР¹⁶. Австралийские коммунисты настаивали на необходимости организованного отпора японскому экспансионизму со стороны австралийского общества, который должен сочетаться с помощью Китаю: «В результате японского воздушного террора над китайскими городами на прошлой неделе было убито около 15 тысяч беззащитных граждан, что вызвало сильное чувство отвращения и страстного осуждения во всей Австралии. В профсоюзных кругах уже были высказаны предложения о практических мерах, в частности об организации бойкота японских товаров в Содружестве, для оказания помощи китайскому народу в его великой борьбе за свободу»¹⁷. Благодаря редактору Г. Боуту газета *The Australian Worker* активно транслировала антияпонскую позицию: «Австралийский Союз должен объединиться с Китаем в час беды, ибо границы Австралийского Союза находятся сейчас на китайской земле»¹⁸. В другом номере этого издания была опубликована статья «Пока весь цивилизованный мир наблюдает» говорится о событиях в Китае как о вопиющей несправедливости, которая требует жесткого и справедливого отпора, а не наблюдения или пассивного осуждения: «Агрессивная держава беспричинно грабит, бомбит, подлейшим образом убивает беззащитное население пока весь остальной мир смотрит... Тогда по-

чему не предпринимаются какие-либо шаги, чтобы предотвратить все это? Капиталистические страны выдвинули «поразительный» аргумент – объединившись для обеспечения мира мы спровоцируем еще большую войну. Логика этого утверждения заключается в том, что негодьям-агрессорам должно быть позволено разорять, сжигать и убивать, как им заблагорассудится. А мы пока можем лишь «бормотать» в стороне: посмотрите на их зверства! Это, конечно, очень прискорбно»¹⁹. Очевидно, что «левые» издания обвиняли ведущие державы в попустительстве агрессорам и в неэффективности политики умиротворения.

Совет по торговле и труду Нового Южного Уэллса в октябре 1937 г. открыто осудил японское правительство и высказал поддержку китайскому народу. В Австралии были созданы комитеты помощи Китаю²⁰. Министр торговли Мельбурна выразил сожаление японскому консулу о преступлениях японской армии, а в Лиге Объединенных Наций (ЛОН/*LNU*) обсудили негативное влияние капитализма на войну. Филиал ЛОН в штате Виктория и Совет труда в Аделаиде призвали к бойкоту японских товаров. Призывы к «бойкоту против агрессоров» появляются на первых страницах газеты *The Workers' Weekly*²¹. Вскоре призыв был поддержан профсоюзами и Советом труда Нового Южного Уэллса. В начале ноября 1937 г. совет *ACTU* заявил, что «позорные и варварские действия японцев нарушают международное право».²² Большинство членов парламента открыто не осуждали бойкоты, но настаивали на их прекращении, аргументируя, что подобные действия могут нарушить правительственный курс на умиротворение, который, в свою очередь, выражает официальную позицию Британии и Лиги Наций²³. Выступая с докладом о международной обстановке, в частности о решениях Брюссельской конференции, австралийский политик Б. Хьюз высказал свое отношение к бойкотам: «международные споры могут быть удовлетворительно разрешены только методами примирения и взаимного согласия. В этой связи некоторые организации и отдельные лица в течение последних нескольких месяцев выступали за такие действия как бойкот японских товаров и запрет на экспорт в Японию товаров, которые могут быть использованы в военных целях. Что касается этого аспекта ситуации, я хотел бы напомнить, что премьер-министр часто обращался к австралийскому народу с призывами, осуждающими единоличные действия любой страны или части сообщества, которые нанесли бы ущерб любой попытке примирения по соглашению и не помогли бы ни одной из сторон в споре»²⁴.

Несмотря на предостережения властей, портовые рабочие отказались загружать японские суда с ноября 1937 г. Протесты начались с Фримантла и распространились до Сиднея в январе 1938 г., к февралю они дошли до Аделаиды и к апрелю до Мельбурна. Лишь угроза Лайонса в мае 1938 г. отозвать федеральную лицензию заставила профсоюзы отступить и начать погрузку²⁵. Вопрос о бойкоте японских товаров и загрузке японских судов связан с экспортом железной руды в Японию из пролива Ямпи в Западной Австралии. Неудивительно, что именно спикеры парламента от этого региона выступили за жесткие меры в подавлении бойкота. Вероятно, что этот регион получал значительные доходы от продажи железной руды и его представители в парламенте руководствовались исключительно экономическими интересами коммерческих кругов. Представители же рабочего движения утверждали, что морально неправильно предоставлять Японии ресурсы в войне против Китая. Даже нейтральный Совет торговли Мельбурна призвал *ACTU* требовать от федеральных властей прекратить экспорт металлолома и железной руды²⁶.

Мнения депутатов федерального парламента относительно продолжения экономических отношений с Японией разделились. Большинство лейбористов поддержали запрет экспорта. Хотя это не помешало лейбористской печати, например, в газетах «Лейбористский призыв» и «Лейбористская ежедневная газета», обвинить Китай в попытке развязать еще большую войну через обращения к Лиге Наций. Правящая партия (*The United Australia Party*), придерживалась более компромиссной позиции: не заключать новые соглашения, но и не прекращать торговлю по текущим договоренностям. Министр торговли Эрл Пейдж, отвечая на вопрос о сохранении торговых связей с Японией, отметил: «Существующие договоренности будут выполнены. Японские покупатели указали, что когда военные и финансовые трудности нынешней ситуации пройдут, они снова выйдут на австралийский рынок. Федеральное правительство поддерживает самые тесные контакты с производителями шерсти и торговцами шерстью по этим вопросам»²⁷.

Выступая в парламенте 14 сентября 1937 г. генеральный прокурор А. Мензис высказал сожаление, что нарастание кризиса привело к отсрочке переговоров по улучшению англо-японских отношений. Известно, что правительство Австралии присоединилось к официальному протесту Лондона против действий японцев в Китае, но вскоре отозвало протест, мотивируя это тем, что достаточно позиции Лондона и Лиги Наций²⁸. Тем не менее, правительство разработало несколь-

ко стратегий в ответ на сложную внешнеполитическую ситуацию, но все они были примирительными и позволяли избегать конфликта.

Во-первых, представители Австралии участвовали в реформе устава Лиги Наций, пытаясь сделать процедуру выдвижения санкций более зависимой от решений стран-участниц Лиги. Вероятно, тогда бы удалось смягчить санкции в отношении Японии, тем самым якобы обезопасив свои границы.

Во-вторых, была выдвинута идея Тихоокеанского пакта, на принятии которой настаивал премьер-министр Дж. Лайонс во время Имперской конференции 1937 года²⁹. В историографии нет единого мнения, что именно подразумевал премьер под данным пактом. Япония восприняла это как идею созыва очередной тихоокеанской конференции, а СССР посчитал, что речь идет о системе коллективной безопасности в АТР. Второе вряд ли могло являться намерением Лайонса, так как австралийский истеблишмент ясно осознавал растущие противоречия среди ведущих держав на Тихом океане и в связи с этим, невозможность создания целостной системы взаимодоверительных союзов³⁰. Мотивы Лайонса прослеживаются в его высказываниях: «сотрудничество и примирение вместо применения силы при урегулировании международных разногласий составляют основу политики всех частей Империи», «этот пакт поможет сохранить мир и дружественные отношения с Японией»³¹. Таким образом, заинтересованность в обеспечении безопасности Китая отнюдь не являлась мотивом премьера заключить подобный пакт. Более того, Британия указала на практические трудности в его реализации, связанные с ростом японской агрессии в Китае, а представители британского министерства иностранных дел сохраняли дипломатическую сдержанность по данному вопросу.

В-третьих, с 1938 г. начинаются англо-японские переговоры по преодолению кризиса, вызванного угрозой блокады британского Тяньцзиня, а позже Тяньцзинским инцидентом, что приведет к подписанию пакта «Арита-Крейги» летом 1939 г.^a. Еще до заключения соглашения, Дж. Пирс (глава австралийского внешнеполитического ведомства с 1934 по ноябрь 1937 г.) отметил, что британцам желательно дать положительный ответ Токио³².

Таким образом, основной внешнеполитической стратегией Канберры в предвоенные годы оставалось умиротворение Японии и со-

^a За Японией по условиям соглашения признавались «особые права» в Китае, а Великобритания гарантировала невмешательство в действия японских оккупационных властей. Это существенно укрепляло позиции Японии в Китае

хранение с ней дружественных отношений. Австралия поддержала Великобританию в ее попытке удержать Китай от официального обращения к Лиге Наций³³. В целом, политика умиротворения, была результатом некоторого расхождения во мнениях между Ст. Брюсом в Лондоне и Дж. Лайонсом в Канберре. Брюс придерживался твердых взглядов на роль Лиги Наций и по вопросу об антияпонских санкциях, а также был склонен сначала действовать самостоятельно, а затем информировать свое правительство, хотя иногда лишь частично. Лайонс же был менее опытен в европейских и британских делах, но более принципиален и идеалистичен. Известно, что Ст. Брюс выступил против применения статьи 16 пакта Лиги Наций, которая гласила о разрыве всех торговых и финансовых отношений со страной-агрессором: «Китай не следует вводить в заблуждение, что он может рассчитывать на помощь, которой не последует». Вместо этого, он призвал к проведению конференции в соответствии со статьями 10 и 11, а также отвлек внимание от своего негативного высказывания, высоко оценив работу Международной организации труда и Лиги Наций по борьбе с голодом³⁴. Ст. Брюс планировал провести конференцию всех держав, заинтересованных в стабилизации тихоокеанских отношений, включая Японию и США, но довольно долго отказывался стать членом комитета Лиги Наций по Дальнему Востоку. Благодаря настойчивости Дж. Лайонса, Брюс всё же вошел в этот комитет, но и там продолжил политику избегания любой конфронтации с Японией. Например, в своих высказываниях он использовал формулировку «бомбардировки генерала», вместо «японские бомбардировки». Также он высказался против употребления слова «агрессия» в докладе комитета и Лайонсу пришлось убеждать его проголосовать за основной доклад, представленный в Ассамблее. Брюс был настолько полон решимости избежать конфликта с Японией и ограничить участие Лиги в конфликте примирением сторон, что проигнорировал слабость настоящей политики и ее негативное влияние на авторитет Лиги Наций. Фактически это означало поощрение японской агрессии.

После сообщения из Лондона, что помощь Китаю предпочтительнее санкций против Японии, премьер-министр Лайонс вынужден был согласиться с недопустимостью экономической барьеров. Именно по этой причине правительство столь негативно отнеслось к бойкоту японских товаров и отказу рабочих загружать японские суда. Генеральный консул Японии обратился к правительству с требованием принять меры в отношении портовых рабочих. Лайонс в ответ осудил бойкоты, сославшись на политику Лиги Наций, и подчеркнул опро-

метчивость односторонних действий, так как это может помешать процессу урегулирования международного конфликта³⁵.

Во время экстренного заседания Лиги Наций в Брюсселе по китайскому вопросу (ноябрь 1937 г.) Великобритания обратилась к Японии с призывом начать переговоры, на что получила отрицательный ответ. Будучи участником заседания, Стэнли Брюс сосредоточился на том, чтобы помешать Китаю, СССР и Новой Зеландии выработать систему антияпонских санкций. Он получил поддержку со стороны Канберры и Лондона. Австралийское правительство телеграфировало: «на данном этапе мы не можем взять на себя обязательства по какому-либо курсу, выходящему за рамки примирения. Любые предложения о санкциях должны быть представлены Лиге Наций, чтобы их могли рассмотреть все участники». С. Брюс настаивал, что даже переписка с Японией должна вестись в сочувственных тонах³⁶. Интересно, что Канберра была не заинтересована в широкой огласке ее позиции вследствие роста непопулярности политики умиротворения среди населения, что подрывало авторитет правительственного курса и могло способствовать наступлению политического кризиса. В Британском ежегодном отчете по Китаю было отмечено, что правительство Австралии приказало своему делегату в Брюсселе «выступить против всего, что касается антияпонских санкций». Австралия подала жалобу в министерство иностранных дел Великобритании на то, что данное заявление исказило оригинальную формулировку³⁷. По итогам конференции была принята декларация от 24 ноября 1937 г., в которой подтверждались принципы «договора девяти держав» и содержался призыв к Китаю и Японии прекратить боевые действия. Никаких конкретных шагов в отношении Японии не предусматривалось.

Министр иностранных дел У. Хьюз проявил беспокойство бездеятельной политикой правительства. Он выдвинул протест на предложение британских властей помешать бывшим офицерам австралийских ВВС добровольно отправиться на службу в Китай. Но его протест был отклонен Дж. Лайонсом и всем кабинетом министров³⁸. В начале 1938 г. он пытался дать разрешение на следование самолета с супругой Чан Кайши через Сидней в Гонконг. У. Хьюз утверждал, что Австралия не несет никаких обязательств по нейтралитету, поскольку между Токио и Пекином не объявлено войны. Но кабинет министров снова отменил решение Хьюза. При этом министр проявил личное участие в подписании торгового договора с Японией на поставку шерсти в июне 1938 г.³⁹.

В связи с нарастанием конфликта в АТР опасения японской угрозы все больше беспокоили правительство Австралийского Союза. Информация поступала и от Департамента управления доминионами, и от представителей департамента внешних связей в Лондоне. Военная разведка пришла к выводу, что цели японских военных и правительства едины. Несмотря на осознание проблемы, австралийское правительство ориентировалось на действия Великобритании, которая не предпринимала активных действий в отношении японского флота. Даже убийство британского посла в Северном Китае не стимулировало Лондон к открытой конфронтации – британский МИД ограничился протестом. Глава департамента внешней политики подполковник У. Хадсон в переписке с генконсулом Китая проявлял озабоченность задержкой новостей, поступающих в Австралию. Более того, он считал ситуацию настолько серьезной, что обратился с просьбой отправлять в Канберру сведения о разворачивающихся событиях к торговому представителю в Шанхае. Осенью 1937 г. правительство Австралии обратилось с жалобой к Лиге Наций о несвоевременном информировании по поводу ситуации в Китае⁴⁰.

События 1938 г. вызвали поворот в отношении Австралийского Союза к Китаю. Именно в этом году Китай становится символом борьбы за независимость. Даже *Sydney Morning Herald* поднимает тему справедливой борьбы китайцев против милитаристской агрессии, хотя эта тема не была основной для всех публикаций по проблеме. Несмотря на то, что заметная симпатия к Японии и ее действиям все еще появлялась в прессе, общая тональность публикаций существенно изменилась. Если *Argus* заняла нейтральную позицию, а *Bulletin* начала переходить в поддержку стран Оси, то многие другие издания осуждали и Японию, и ее союзников в Европе. Правительство Австралии получало информацию о событиях через сотрудника департамента по внешним связям в Лондоне. Отчеты о событиях в Китае и его отношениях с Великобританией были широко распространены среди руководителей ведомств и членов Кабинета министров. Правительство поддерживало идею предоставления займа Китаю в июле 1938 г., но рост напряженности в Европе и Мюнхенский сговор заставили отказаться от настоящего решения. Поэтому, несмотря на рост общественного осуждения Японии, до 1939 г. официальная Канберра продолжала поддерживать курс на умиротворение, следуя в фарватере британской внешней политики⁴¹. В декабре 1938 г. Дж. Лайонс отметил, что Япония находится за пределами британского военно-морского кордона. Историк Шефард прокомментировал это следующим образом: «Ряд

последовательных европейских кризисов привели к снижению способности Великобритании выделить военно-морские силы, достаточные для защиты Австралийского Союза в Тихом океане»⁴².

Стоит отметить, что либеральная научная интеллигенция призывала придерживаться курса на умиротворение. В статьях и на конференциях, либеральные ученые утверждали, что Австралия своими активными прокитайскими действиями подтолкнёт Японию к разрыву отношений. Однако, поскольку корень противоречий находится в плоскости экономики, то решать экономические проблемы нужно не политическими способами, а экономическими договоренностями: «Политика силы в Тихом океане сегодня является прикрытием всемирной борьбы за рынки»⁴³. Из последнего либералы делали вывод, что борьба с экономической несправедливостью в отношении Японии и предоставление ей свободы торговли положит конец военной напряжённости. Таким образом, изрядная часть представителей научного сообщества недооценивала реалии современной политики и угрозы миру в 1930-х гг. Профессор Мельбурн из университета Квинсленда предпринял самостоятельную попытку оказать давление на правительство, чтобы улучшить отношения с Японией. В июле 1938 г. он написал серию статей для *Brisbane Courier Mail*, в которых представил проблему японской агрессии как последствие экономической политики других стран и обращался к необходимости экономического умиротворения. В декабре 1938 г. он написал два письма Дж. Лайонсу, в которых утверждал, что британская поддержка Китая может спровоцировать войну, большая часть тяжести которой ляжет на плечи австралийского народа. Поэтому доминионы должны принимать прямое участие в британской политике. Если они не готовы воевать с Японией, Лондону необходимо это учесть и отказаться, как минимум, от кредитования Китая⁴⁴. Роберт Мензис (генпрокурор и министр промышленности, а с 1939 г. премьер-министр) согласился с мнением о необходимости консультаций Лондона с доминионами по вопросу кредитования Китая. В свою очередь, член федерального парламента Р. Кейси саркастично отозвался о профессоре Мельбурне, а У. Хьюз эмоционально раскритиковал его взгляды⁴⁵.

Реальные события 1937–1939 гг. шли вразрез с заблуждениями о необходимости «умиротворения» Японии, а также изменили отношение властей к вопросу об экспорте в Японию. Это подтверждают забастовки портовых рабочих, рост общественного осуждения японской агрессии, а также правительственный запрет на вывоз железной руды. Эмбарго в отношении Японии было введено с мая 1939 г. Правитель-

ство Канберры использовало официальный отчет об ограниченности запасов рудных ископаемых, чтобы объяснить свое решение для Токио не политическими мотивами. Но после введения эмбарго протестные акции продолжились уже против экспорта других товаров в Японию. В ноябре 1938 г. портовые рабочие отказались загрузить судно чугуном в порту г. Кембл. Бескомпромиссная позиция Р. Мензиса по этому вопросу привела к появлению в народе прозвища «Чугунный Боб». Конфликт продолжался до января 1939 г., когда рабочие согласились загрузить судно в обмен на то, что правительство пересмотрит вопрос об экспорте чугуна в ближайшем будущем⁴⁶. Мензис объяснял свое нежелание останавливать экспорт тем, что якобы это будет выглядеть как введение санкций в одностороннем порядке без поддержки Лондона и других стран⁴⁷. Несмотря на свое поражение, рабочие получили большую общественную поддержку. Все чаще организовывались общественные собрания по вопросу помощи Китаю. Но реакция общества была вызвана скорее отвращением к жестокостям японской армии, нежели к судьбе Китая.

Австралийские китайцы прилагали усилия, чтобы заручиться поддержкой Канберры. Во время празднования юбилея Сиднея в 1938 г. они выпустили серию брошюр «Столетие китайско-австралийских отношений» под редакцией консула д-ра Пао. Он выражал сожаление недостаточным пониманием культуры и психологии китайцев. В юбилейных брошюрах он представил историю культурного и экономического обмена между двумя странами. Во втором разделе описал успехи совместного рынка. Премьер-министру был представлен китайский национальный флаг, и состоялся праздничный парад с шествием древнекитайских символов: драконов, львов, китайских фонарей. Все завершилось вечером фейерверков. В апреле 1939 г. Пао написал письмо сэру Г. Галлету (министр иностранных дел 1939-1940 гг.), в котором предлагал заключить торговый пакт и изменить иммиграционные законы. Галлет ответил в дружественных тонах, но избегая ответов на поставленные в первом письме вопросы⁴⁸.

С 1939 г. положение Великобритании и ее вооруженных сил на Тихом океане стали главной заботой австралийского правительства. Общественность была возмущена жестоким обращением японцев с британскими гражданами в Тяньцзине^b. Пресса все чаще описывает

^b Международный инцидент, вызванный блокадой со стороны Японской армии района Северного Китая после убийства японского служащего в порту Тяньцзинь в июне 1939 года.

Китай, как страну, попавшую в тупиковую ситуацию: военная агрессия Японии, угроза распространения коммунизма в Китае, наличие британских и французских интересов на фоне роста китайского национального самосознания. Агрессия Японии оправдывалась экономическими проблемами, а СССР признавался потенциально опасным в связи с его поддержкой китайских коммунистов и распространения «красной угрозы». Умеренная позиция некоторых газет уже никак не могла повлиять на общественность, испытывавшей страх перед японской экспансией и зверствами японской армии⁴⁹. В правительственных кругах снова был поднят вопрос о представительстве в Азии. Мензис повторил слова, когда-то высказанные Дж. Латамом: «То, что Британия называет Дальним Востоком, для нас – Ближний Север»⁵⁰. Этим обосновывалась необходимость создания Австралией своих дипломатических контактов и независимых источников информации в АТР. Первые дипломатические миссии правительство предлагало создать в Токио и Вашингтоне. Идея создания открытия миссии в Китае была отклонена со следующей формулировкой: «На все требуется время. Мы не можем сразу открыть много дипломатических представительств»⁵¹.

В мае 1939 г. Г. Галлет обратился с призывом о дружбе к японскому народу и сообщил генеральному консулу Японии, что в Австралии нет враждебности к Японии «за исключением некоторых чувств в отношении японо-китайской войны»⁵². Некоторые члены парламента выступали против переговоров Лондона с Москвой, так как это может «оскорбить» Японию⁵³. Тем не менее, после инцидента в Тяньцзине Г. Галлет отказался верить в японскую версию кризиса. Он сообщил об этом в письме японскому консулу. А С. Брюс на встрече с премьер-министром Великобритании в Лондоне поднял вопрос о военно-морских укреплениях в Тихом океане. Лидер лейбористской партии Дж. Кертин был поддержан большинством в парламенте за призыв создать представительство в Китае, но Лондон выразил свое несогласие, объяснив его сложной политической ситуацией в Китае. Поэтому Р. Мензис лишь прикрепил офицера к британскому посольству в Пекине⁵⁴.

Таким образом, в предвоенные годы правящие круги Великобритании и Австралии в целом сохраняли единство взглядов на японо-китайский конфликт. Австралийские власти, следуя в фарватере британской политики, продолжали придерживаться курса на умиротворение азиатского союзника нацистской Германии и фашистской Италии и отказывались от санкций в отношении Токио, вызвав неоднознач-

ную реакцию со стороны австралийской общественности и фактически потворствуя японской экспансии даже в ущерб экономическим интересам отдельных слоев австралийского бизнеса. После 1937 г. происходит раскол в политической элите: большая часть правительства выступила в поддержку британской линии, а значительная доля членов федерального парламента, напротив, поддержала бойкот японских товаров. Внутренняя разнородность политических позиций в австралийском обществе, разногласия между властями штатов, федеральной властью, исполнительной и профсоюзами, а также в самом парламенте не позволяли сформировать единогласное осуждение японской экспансии и широко поддержать Китай. Неудивительно, что правящая партия избегала вопроса противостояния Японии даже в 1939 г.⁵⁵. Данная ситуация указывает на большие трудности переходного периода Австралии в приобретении опыта внешнеполитической самостоятельности, раскрывает сохранение традиции зависимости от британской политики, а также осознание недостаточной защищенности своих рубежей перед лицом японской агрессии.

История покажет, что, несмотря на глубокий страх правительства и национальной буржуазии Австралии перед ростом нестабильности и коммунистического движения в Китае, подобные предрассудки уходят на второй план, уступая место росту солидарности всех общественных сил на поддержку китайского народа и осуждение японской агрессии. Однако, для коренного перелома в сознании австралийцев, было необходимо испытать на себе всю тяжесть последствий политики умиротворения агрессора. Лишь позор поражения британских и австралийских войск в Сингапуре, шок от бомбардировок порта Дарвин и реальная угроза японского вторжения в Австралию вызвали осознание необходимости активной борьбы с японским милитаризмом.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Владимировна КАШИНА, старший преподаватель, факультет Востоковедения и истории, Центр изучения международных отношений АТР, Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия

Статья поступила в редакцию 18.03.2024;
одобрена после рецензирования 15.04.2024;
принята к публикации 30.04.2024.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia V. KASHINA, Senior Lecturer, Faculty of Oriental Studies and History, Center for the Study of International Relations of the Asia-Pacific Region, Pacific National University, Khabarovsk, Russia

The article was submitted 18.03.2024;
approved 15.04.2024;
accepted to publication 30.04.2024.

¹ Gibson P., Ville S. Australian wool and chinese industrialization, 1901-1941/Gibson P., Ville S.// University of Wollongong, Australia: Twentieth-Century China.- October 2019.- V. 44 - Number 3 - Pp. 265-287.

² См.: Gibson P., Ville S. Op.cit. P. 29. URL: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=5025&context=lhapapers>

³ Sheehan B. Industrial Eden: A Chinese Capitalist Vision. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. 344 pp, P. 94-116.

⁴ См.: Gibson P., Ville S. Op.cit. P. 30. URL: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=5025&context=lhapapers>

⁵ National Archives of Australia: Wool, Hides and Skin – Exports to China, NAA A1539 1940/W/18358

⁶ Sydney Morning Herald, 22 Jul. 1937. URL <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/17385714>

⁷ National Archives of Australia: Pierce, 30 Aug., 1937, AAA, A981, China 114, Pt 9.

⁸ Melbourne Herald, 22 Sept. 1937. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/page/26595990?>

⁹ Argus, 24 Sept. 1937. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/11089382>

¹⁰ Sydney Morning Herald, 7 Sept 1937. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/page/1187139#>

¹¹ Souter G., Company of Herald. – Melbourne. 1981.- Pp. 128, 169-170, 285.

¹² Selle E.A., Donald of China.- Sydney 1948. - P. 348.

¹³ Shepherd J. Australia's interests and policies in The Far East.- New York 1939.– P. 72.

¹⁴ Andrews E.M. Australia and China.-Carlton: Melbourne university press, 1985. –P. 76.

¹⁵ Church Standard, 8 Oct. 1937.

¹⁶ Fox L.P. Stop War on China. – Pamphlet, 1937, P. 18, 22.

¹⁷ Wokers Weekly, 28 Sept. 1937. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/146093363>

¹⁸ McDougall D. The Australian Labor Movement and The Sino-Japanese War 1937-1939. – Labor history, no. 33, 1977, pp. 39-52, P. 45.

¹⁹ Australian Worker, 29 Sept. 1938. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/146093363>

²⁰ URL: <https://sacu.org/history-of-china-uk-friendship-societies-before-sacu/>

²¹ Wokers Weekly. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/title/1003#>

²² Labor Call, 4 Nov., 1937.

²³ Andrews E.M. Australia and China.-Carlton: Melbourne university press, 1985. P. 79.

²⁴ Commonwealth. House of Representatives. Parliamentary Debates of 3 Dec. 1937: Official Hansard, 1937. – N. 50. URL: <https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=HANSARD80;id=hansard80%2Fhansardr80%2F1937-12-03>

²⁵ См.: Andrews E. Op.cit. P. 79.

²⁶ Labor Call, 14 Oct.1937 URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/249989903?browse=ndp%3Abrowse%2Ftitle%2FL%2Ftitle%2F795%2F1937%2F10%2F14%2Fpage%2F27636652%2Farticle%2F249989903>

²⁷ Commonwealth. House of Representatives. Parliamentary Debates of 1 Dec. 1937: Official Hansard, 1937. – N. 48. URL: <https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=HANSARD80;id=hansard80%2Fhansardr80%2F1937-12-01>

²⁸ National Archives of Australia: CPD, 154/983-4.

²⁹ Imperial Conference, 1937. Summary of Proceedings. Journals of the House of Representatives. New Zealand. Session I Appendix, A-07. 1937.

³⁰ Shepherd J. Australia's interests and policies in the Far East.- New York – 1939, pp.77-78. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.499187/page/n93/mode/2up>

³¹ Lyons to Imperial Conference, DAFP, 1, P.81. URL: <https://atojs.natlib.govt.nz/cgi-bin/atojs?a=d&d=AJHR1937-I.2.1.2.10>

³² Documents on Australian Foreign Policy (DAFP): V.1, Document 11.

³³ Hudson W.J.. Australia and the League of Nations. – Sydney, 1980.- P. 89.

³⁴ Documents on Australian Foreign Policy: V.1, docs 64-16, 70-2, 75-6.

³⁵ См.: Andrews E. Op.cit. P. 82.

³⁶ Documents on Australian Foreign Policy: V.1, docs 88, 92.

³⁷ См.: Andrews E. Op.cit. P. 83.

³⁸ National Archives of Australia: CPD, 155/201-5, 3 Dec 1937.

³⁹ Argus, 4 июля 1938 URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/12429746?browse=ndp%3Abrowse%2Ftitle%2FA%2Ftitle%2F13%2F1938%2F07%2F04%2Fpage%2F589243%2Farticle%2F12429746>

⁴⁰ См.: Andrews E. Op.cit. P. 85.

- ⁴¹ См.: Andrews E. Op.cit. P. 85.
- ⁴² Shepherd J. Australia's interests and policies in The Far East.- New York 1939.- P. 188.
- ⁴³ Dunkan W.G.K. Australia's Foreign Policy, Sydney: Angus and Robertson, Ltd., 1938, P. 78.
- ⁴⁴ См.: Andrews E. Op.cit. P. 86.
- ⁴⁵ Documents on Australian Foreign Policy: V.2, docs. 1,2,6.
- ⁴⁶ См.: Andrews E. Op.cit. P. 86.
- ⁴⁷ Documents on Australian Foreign Policy: V.1, Pp. 240-242.
- ⁴⁸ См.: Andrews E. Op.cit. P. 88.
- ⁴⁹ Sydney Morning Gerald, 20 Feb. 1939.
- ⁵⁰ Sydney Morning Gerald, 27 Apr. 1939.
- ⁵¹ National Archives of Australia: CPD, 159/388, 952-953.
- ⁵² National Archives of Australia: CPD, 159/197, 9 May 1939.
- ⁵³ Shepherd J. Australia's interests and policies in The Far East.- NewYork 1939.- pp.128-129.
- ⁵⁴ См.: Andrews E. Op.cit. P. 90.
- ⁵⁵ National Archives of Australia: CPD, 159-203, 9 May 1939.